

СООТНОШЕНИЕ ИСТИНЫ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПРЕДРАССУДКА

В статье рассматриваются предрассудок как соединение ценностных и когнитивных характеристик сознания в их связи с истиной и заблуждением. Предрассудок также определяется как специфическая форма предпосылочного знания. В статье предпринимается попытка переосмысления роли предрассудков в философском и научном познании на основе разделения их на «истинные» и «ложные» предрассудки.

Ключевые слова: предрассудок, предпосылочное знание, ценность, истина, заблуждение.

Само слово предрассудок представляет собой двойственную смысловую конструкцию: процесс рассудочной деятельности как бы разделяется на собственно осознанно-рефлексивный акт вынесения суждения и, с другой стороны, на скрытое суждение, выносимое до момента его осознания. Возникающее при этом ментальное состояние индивидуального или коллективного субъекта соединяет ценностно-эмоциональные и когнитивные стороны сознания, образующих в итоге некую целостную структуру. В психологии определение предрассудка чаще всего связывают с особым рода рационализированной установкой, внешней формой выражения которой является конкретный стереотип [3]. Со стороны ценностного уровня выделенной структуры предрассудка наиболее характерной чертой тех предрассудков, которые попали в поле зрения осознанной рефлексии, обычно является выражение неприязни по отношению к объекту оценки или объяснения. С точки зрения когнитивных характеристик, предрассудок чаще всего связывается с закоренелым заблуждением или, по-другому – с ложным взглядом, ставшим привычным. Но отношение чего-либо к истине или заблуждению само уже может быть описано в рамках категории ценности, поскольку эти два когнитивных состояния сознания имеют определенную «цену» в менталитете личности. Истина, безусловно, имеет позитивную значимость, а заблуждение – наоборот, негативную. Таким образом, соотношению истины и заблуждения в предрассудке предшествуют фундаментальная взаимообусловленность ценностных и когнитивных аспектов сознания.

В истории философской мысли к теме предрассудка в основном и обращались в связи с исследованием заблуждений, ложного знания, иллюзий. Как правило, это происходило при решении вопроса об их преодолении. Как еще отметил Р. Декарт, «стараться преодолеть все трудности и заблуждения, мешающие нам достигать познания истины, это в сущности то же, что давать сражения, а составить себе ложное мнение по более или менее общему и важному вопросу – то же, что проиграть сражение» [5, с. 126]. Преобладающей точкой зрения в понимании заблуждения утвердилась трактовка его как неотъемлемого элемента научного познания в процессе постижения истины, где неизбежно возникают определенная абсолютизация и односторонность познания, закрепляемая в сознании ограниченным практическим интересом.

Так, Ф. Бэкон отводил большую роль процессу преодоления заблуждений, естественно присущих человеческому сознанию. Интересно, что заблуждение здесь понимается как нигде в буквальном смысле этого слова. Человеческий разум именно «блуждает» в поисках истины. Борьба с «идолами пещеры» – узостью взглядов отдельных людей, и с «идолами площади» – штампами коллективного сознания, логика и здравый смысл могут только в соединении с «мудрым сомнением» и методологически правильным исследованием. Рациональная информация, сам по себе действительный опыт, по мнению Бэкона, мало, что значат для человека, если его разум усвоил себе какое-либо положение в силу общего признания и веры. И хотя самые убедительные примеры могут против-

речь этому, человек с затуманенным разумом не замечает или пренебрегает ими, «или отводит и отвергает их посредством различений с большим и пагубным предубеждением, чтобы достоверность тех прежних заключений осталась ненарушенной» [2, с. 20].

Сходную позицию в отношении предрассудка можно встретить и у Канта. Это сходство проявляется в указании на естественность, необходимую присущность предрассудка для человеческого сознания, а также в том, что причинами существования и устойчивости предрассудков – следование авторитету (традиции) и стремление избежать неудовольствия. «Предрассудок – по мнению Канта – как бы создан для человека, он способствует беспечности и себялюбии – двум свойствам, от которых можно избавиться, лишь отказываясь от человеческой природы. Человек, находящийся во власти предрассудков, возносит некоторых людей на недосягаемую высоту, ...он не способен заметить различие, которое существует между этими людьми и которое иначе заставило бы его увидеть, к его неудовольствию, насколько их превосходят те, кто принадлежит к числу посредственностей. Поэтому, до тех пор, пока тщеславие будет еще владеть умами людей, предрассудок будет оставаться в силе, то есть никогда не исчезнет» [7, с. 54].

Социентально направленные теории ставили существование ложных, «отклоняющихся», «превращенных» форм сознания в зависимость от исторического типа существования общества, социальной группы или среды, социокультурной ментальности и т. д. (О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Манхейм, П. Сорокин). В результате сформировались два противоположных подхода к проблеме предрассудка: первый подход, как правило, связывает возникновение предрассудков с определенным нарушением «нормальной» психики человека; второй подход полагает, что предрассудок представляет собой часть «нормального» процесса интернализации групповых норм и ценностей. Но общим здесь все же является преобладание негативной оценки роли предрассудков в социальном познании и поведении людей. Даже сторонники второй, более нейтральной позиции по отношению к предрассудкам, все же отмечают, что «несмотря на то, что предрассудки и предубеждения включают

и позитивные и негативные эмоции, социальные психологи (и люди в целом) используют эти слова, когда говорят о негативных установках по отношению к другим» [1, с. 437].

Одной из причин, по которой предрассудок ассоциируется с заблуждением, является то, что непроизвольно смешиваются недостаточность (или полное отсутствие) оснований и признания ложности чего-либо. Соответственно, подлинно истинным признается то, что с необходимостью следует из не вызывающих сомнения оснований. Два рассуждения, утверждающие истинность противоположных тезисов по отношению к одному и тому же предмету, но различные по своей логической структуре аргументации имеют разную истинностную ценность и разную степень убедительности. При прочих равных условиях один из тезисов должен быть признан истинным, а другой ложным в зависимости от достоверности оснований или отсутствия таковых. Если предрассудок понимать здесь как мнение, выносимое до получения достоверной информации, служащей, как раз, достаточным основанием, то становится ясным функциональная близость к заблуждению.

Преобладающей позицией в отношении предрассудков в истории научной мысли утвердилась установка на их преодоление. Ф. Бэкон настаивал на последовательном очищении чувственной сердцевины каждого наблюдения от «идолов» сознания, привносимых в каждый акт такого наблюдения. Но такой способ (по признанию самого же Бэкона, «столь же легок в высказывании, сколь труден в деле») состоит в том, что «мы устанавливаем степени достоверности, рассматривая чувство в его собственных пределах и по большей части, отбрасывая ту работу ума, которая следует за чувствами, а затем открываем и прокладываем разуму новый и достоверный путь от самых восприятий чувств» [2, с. 8]. Но возникающая при этом проблема нам представляется трудностью иного рода, чем полагал Бэкон. Вопрос заключается в том, что изначально неясным остается какую «работу ума, которая следует за чувствами» можно отбросить, а какую оставить. В то же время из контекста следует, что нужно отбрасывать именно всякую такую работу ума: «после того как ум уже пленен привязанностями повседневной жизни, ложными слухами и учениями, когда он осажден пустейшими идолами. ...

Остается единственное спасение в том, чтобы вся работа разума была начата сызнова» [2, с. 8]. Очевидно, что многие привязанности повседневной жизни могут быть и даже должны быть оставлены, а ложные слухи и учения могут лишь казаться таковыми.

Но предрассудок, по нашему мнению, существенно отличается от заблуждения, хотя может и содержать его, как правило. Ведь заблуждение объективно, по определению, содержит хотя и не преднамеренную, но ложь, которая лишь субъективно принимается за истину. Предрассудок же сам по себе в этом отношении нейтрален: он может быть, хотя и часто, выражать заблуждение, но может и быть адекватным действительности. Заблуждение вполне сочетается с искренностью, но не с истинностью. В то же время не является странным словосочетание «истинные предрассудки». Общим и для того и для другого является то, что и заблуждение, и предрассудок одинаково содержат в себе внутреннюю уверенность в истинности. Поэтому можно назвать заблуждением ложное убеждение, которое субъективно считается истинным для его носителя, а предрассудок – такого же характера предубеждение, но уже без определенно выраженной ложности.

Сама по себе констатация положения о том, что предрассудки могут быть как истинными, так и ложными выглядит достаточно простой и очевидной, показывающей лишь то, что предрассудок, при соблюдении критериев истинности и достаточной обоснованности, может быть назван определенной формой знания. Такой формой знания, на наш взгляд, наиболее адекватной, согласующимся с семантическим содержанием слова «предрассудок», является хорошо известное в современной эпистемологии понятие предпосылочного знания, которое находится в непосредственной семантической связи с понятием предпосылки. Из всего многообразия смыслов, объединяемых на онтологическом уровне совокупность предварительных условий, исходных пунктов чего-либо, слово предпосылка в рассматриваемом контексте наиболее близко с употреблением слова посылка в логике. Таким образом, предпосылочное знание относится к такому типу предпосылок, которые связаны с осуществлением интеллектуально-познавательной деятельности сознания, включающей в себя не только рассудочную деятель-

ность (посылки), но и то, что ее непосредственно предваряет ее, то есть предрассудок. Так, в вопросно-ответной форме мышления предпосылками принято называть суждения, которые предваряют оператор вопроса, составляя скрытую, неявную базу вопроса. Здесь можно провести аналогию с понятием фрейма, применяемого в лингвистике для обозначения особой организации знаний, в основе которых лежат исходные интуитивные представления и составляющих необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов. [11, с. 54–55].

Отличительной особенностью предрассудка как формы предпосылочного знания, на наш взгляд, является его скрытый и непосредственно неосознаваемый характер. На этот момент обращает внимание Х.-Г. Гадамер, характеризуя суждение научного сознания о произведении современного искусства «мучительно ненадежным делом», поскольку «мы подходим к таким произведениям с нашими неконтролируемыми предрассудками, с предпосылками, которые владеют нами до такой степени, что мы уже не способны их осознать» [4, с. 352]. Не случайно при этом ставится один из критических вопросов герменевтики, который достаточно актуален для познавательного процесса в целом: «как отделить истинные предрассудки, благодаря которым мы понимаем, от ложных, в силу которых мы понимаем превратно» [4, с. 353].

При рассмотрении так называемого стиля классического мышления, некоторые исследователи особое внимание уделяют «классическим предрассудкам», то есть тем общим схемам мышления, которые сложились в рамках «классического» стиля мышления». Под предрассудком понимается то, что «что ставится перед рассуждением («перед рассудком») и определяет общее его направление; но также то, что из необходимой и естественной в свое время предпосылки мышления успело превратиться в сковывающий его предрассудок» [6, с. 30–31]. Несмотря на то, что в целом и здесь прослеживается негативная роль предрассудков, но судя по тому конкретному содержанию, которое вкладывается в используемое словосочетание «классические предрассудки», все же можно заметить истинные и позитивные аспекты. Так, например, исследуя «классические предрассудки», в

качестве отправного пункта называется «антиавторитарность классического мышления», в содержание которого выделяются такие характеристики:

«Классическое» мышление подчеркнуто антиавторитарно. Оно не предполагает никакого канонического круга идей в качестве образца анализа. Самостоятельность мышления ставится выше ученического следования, авторитет разума, ориентирующегося на исследование природы, выше авторитета письменного источника... Антиавторитарная направленность несовместима с комментаторством, подчеркнутым ученичеством, программным отказом от новаторства, стремлением к анонимности, столь характерным для схоластического мышления» [6, с. 31]. Такое неприятие авторитаризма превращается в критерий оценки значимости тех или иных идей и способно противостоять тем заблуждениям, которые находят постоянную опору в авторитете. Другими словами, здесь мы имеем дело с «истинным предрассудком», а точнее с той его стороной, которое выражает так называемое «рациональное зерно», полагаемым как нечто несущее в себе истину, нуждающейся в ценностно-обусловленном подкреплении.

Но та же подчеркнутая антиавторитарность может привести к незаслуженному пренебрежению вполне заслуженным авторитетом, провозглашенным ошибочно опровергнутым. Бескомпромиссная несовместимость с комментаторством может привести к забвению важных комментариев, содержащих истолкование, интерпретацию истинных в своей основе, но прилагающихся к какому-то авторитетному труду, оказавшимся ложным по каким-то веским основаниям.

Такая ситуация, на наш взгляд, типична для большинства случаев использования понятия предрассудка во многих классических философских трудах. «Разоблачение», «выявление», «вскрытие» предрассудков предшествующих концепций является общим методологическим приемом для утверждения новых идей. Так поступал Бэкон, критикуя схоластическое применение дедуктивных методов познания, относя их к самым «вредным» предрассудкам («идолам разума»), противопоставляя им свою индуктивную методологию. Но так поступал и К. Поппер, критикуя «наивный реализм» здравого смыс-

ла, опирающегося на индуктивизм, считая «основанную на здравом смысле теорию знания грубейшим субъективистским заблуждением», которое «подчинило себе всю западную философию» [10, с. 7]. Такой прием, несомненно, доказал свою эффективность и, действительно, своевременное обнаружение скрытых предрассудков не раз придавало убедительность и способствовало принятию действительно истинных и великих идей. Но того же Бэкона не раз критиковали в истории науки за абсолютизацию индуктивизма, а приведенное критическое высказывание К. Поппера не в последнюю очередь относится именно к Ф. Бэкону. Концепция же фальсификационизма К. Поппера часто его яркими противниками трактуется как модификация «позитивистских предрассудков».

Таким образом, предрассудок как определенная форма знания проявляет относительную когнитивную двойственность. С одной стороны, проявляется явная тенденция к закреплению содержащейся в нем информации как субъективно значимой и превратившейся в некий стереотипизированный эталон оценки. Этим обуславливается присущий предрассудкам консерватизм, сопротивляемость новому, поскольку всякое новое знание часто выглядит как нарушение сложившихся стандартов мышления. Если это новое действительно открывает истинное знание, противоречащее старому, то предрассудки превращаются в оковы творческого мышления. С другой стороны, определенные качества предрассудка (обозначенные нами как «истинные предрассудки») объективно могут выступать как позитивно значимые, если провозглашаемое новое в действительности оказывается ложным или вредным.

При определенных условиях установка на преодоление предрассудков фактически может обернуться установкой на замену проверенной истины «прогрессивным» заблуждением (разумеется, субъект-носитель такого заблуждения считает его истинным знанием), которому может быть придана внешне научная (точнее наукообразная) форма. Например, квазинаука претендует на статус науки, познавательной деятельности, «широко используя при этом научную и рационалистическую терминологию, ... сознательно или бессознательно отвергает нормы, стандарты, критерии и ценности научной деятельности, пытается отрицать прове-

ренные практикой законы природы» [8, с. 8]. То, что такая тенденция характерна для современной мировоззренческой ситуации сегодня ни у кого не вызывает сомнения. Об этом свидетельствует, например, специальная Резолюция ПАСЕ, направленной против опасности креационизма в образовании, в которой настоятельно призывается «твёрдо противостоять преподаванию креационизма как дисциплины, имевшей бы такой же научный статус, что и теория эволюции, и в целом не допускать презентации креационистских идей в какой-либо дисциплине, не являющейся религиозной» [9, с. 4].

В качестве возможного практического противодействия указанной тенденции можно было бы предложить более эффективное использование того потенциала, который заложен в предрассудке. Имеется в виду отстаивание позиций, признаваемых подлинно научными, не только на почве строго научно-рациональных средств обоснования, но и на почве ценностно-доминированных установок сознания. Речь идет о пропаганде научных знаний, а здесь вполне приемлемо культивация тех ментальных состояний

сознания, которые, по сути, являются предрассудками, а именно истинными предрассудками. Если для отстаивания какого-то социально-значимого, практически необходимого положения науки, представляющегося только в кругу компетентных специалистов очевидно истинным, но для всех остальных людей не достаточно ясным, то в таких условиях этот недостаток вполне возможно компенсировать укреплением ценностных аргументов. Возможно, настало время, когда процесс усвоения научных знаний должен сопровождаться превращением этих знаний в стойкий предрассудок, в такую его форму, чтобы она была в состоянии более эффективно противостоять все более изощренным попыткам дискредитировать подлинную ценность науки. В ответ тем, кто готов объявить некоторые положения науки «устаревшими предрассудками», необходимо противопоставить обоснованный тезис о том, что даже отнесение какого-либо элемента познавательного процесса к предрассудку, вовсе не означает признание его как обязательно ложного.

01.10.2013

Список литературы:

1. Арансон, Э. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме / Э. Арансон, Т. Уилсон, Р. Эйкерг. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004.
2. Бэкон, Ф. Соч. в двух томах / Ф. Бэкон. – М. Мысль, 1978. – Т. 2.
3. Габдуллин, И.Р. Метафизические основания в понимании предрассудка как формы когнитивно-ценностного взаимодействия в структуре сознания / И.Р. Габдуллин // Вестник Оренбургского государственного университета. – №7 (126). – Оренбург, 2011. – С. 167–174;
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988.
5. Декарт, Р. Сочинения / Р. Декарт. – СПб.: «Наука». 2006.
6. Ивин, А.А. Классический стиль мышления Нового времени / А.А. Ивин // Философский журнал. – №2(7), 2011. – С. 24–39.
7. Кант, И. Соч.: в 6-и тт / И.Кант. – М.: Мысль, 1966. – Т. 5.
8. Найдыш, В.М. Наука и квазинаука / В.М. Найдыш, Е.Н. Гнатик, В.Н. Данилов ; под ред. В. М. Найдыша. – М.: Альфа-М, 2008.
9. Опасность креационизма для образования (The Dangers of Creationism in Education). Резолюция 1580 (2007) Парламентской Ассамблеи Совета Европы // Здравый смысл: журнал скептиков, оптимистов и гуманистов. – Весна, 2008, №2 (47). – С. 3–4.
10. Поппер, Карл Р. Объективное знание. Эволюционный подход / Карл Р. Поппер ; пер. с англ. Д.Г. Лахути. Отв. ред. В.Н. Садовский. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
11. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: «Прогресс», 1988. – С. 52–92.

Сведения об авторе:

Габдуллин Ильдар Рустамович, доцент кафедры философской антропологии
Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук
460006, Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2211, тел.: (3532) 372586, e-mail: i.gabd@yandex.ru